

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	5
Часть первая.....	7
Часть вторая.....	85
Часть третья.....	131
Часть четвёртая.....	203

Пролог

Они квасили всю ночь, день спали, а вечером сели опохмеляться. Естественно, пивом. Их было человек десять — парни и девушки, все из общаги. Пиво принесли в автомобильной канистре и наливали в чайник, а уж из чайника, по потребности, разливали в стаканы.

Пиво легко проваливалось из горла в желудок и дальше, в мочевой пузырь. Время от времени кто-нибудь вставал и под развесёлые комментарии остающихся отправлялся в туалет. В своём блоке туалет почему-то постоянно был занят, и приходилось бегать через коридор в блок напротив.

— Нет повести печальнее на свете, чем повесть о закрытом туалете, — сказал самый остроумный после того, как в первый раз не попал в искомое место.

Когда он не смог пробиться туда же во второй раз, он уже не упражнялся в остроумии, а с досадой выключил свет.

Когда он вышел в третий раз, то обнаружил, что свет по-прежнему не горит, а туалет по-прежнему заперт изнутри.

— Эй, ты спишь, что ли? — постучав, осторожно спросил он.

Ему не ответили. Он ещё постучал. Всё равно не ответили.

— Я дверь вышибу, — предупредил он.

В туалете хранили молчание.

Тогда он саданул в хлипкую дверь плечом и с первого же раза вывернул хлипкий шпингалет. Дверь отскочила сантиметров на двадцать и уткнулась во что-то мягкое. В темноте ничего не было видно. Взломщик, не отводя взгляда от тёмной полости, протянул руку, нашарил выключатель и щёлкнул.

Он увидел изгиб унитаза, блестящую алую лужу в его чаше и багровые разводья на полу. На фаянсе безвольно лежала тонкая, очень бледная рука. На её сгибе ещё шевелилась живая кровь.

Взломщик осторожно прикрыл дверь, зачем-то погасил свет и прошёл в свою комнату.

— Так, — хрипло сказал он развесёлой компании. — Все сматываемся. Мужики, прячьте бутылки. Вовка, звони в скорую. В сортире — самоубийца.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Так в их дверь не стучал никто, кроме Лёли. Она словно заранее извинялась, и тихий стук растворялся в воздухе. Но Отличник услышал его и окончательно проснулся.

Он лежал и глядел на комнату, полную прохладного запаха улицы. Ночью Ванька, как всегда, расхлебянил окно, и тёмный ветер вымыл стены, вещи, тряпки, стёр с поверхности обычный их вкус — хорошо настоящего сигаретного дыма, старого пепла, пыльной материи, бумаги, кофе и чая. Теперь они были свежи и накрахмалены ночной зябкостью. В воздухе, где таял стук Лёли, не было никакого движения. Комната уже слилась с миром за стенами общаги и была словно брусок уличной чистоты, задвинутый в затхлый массив здания, как ящик. Солнечный свет, словно порезавшись, яростно пылал в гранях стаканов на столе, на грязном лезвии ножа, на ручках ложек.

Лёля снова робко постучалась. От этого звука воздух вздрогнул, в окне мелькнула птица, а посреди комнаты из пустоты возникли светящиеся пылинки. За дверью слышались шорох, вздох, шаги, и Отличник уже подумал, что Лёля отказалась от своего намерения, как раздался уверенный голос Нелли:

— Не открывают?

— Спят, — тихо, таинственно ответила Лёля.

— Интересно, чем они ночью занимались? —

И Нелли без стука решительно распахнула дверь.

Тотчас, будто нажали кнопку, включился уличный шум — невнятные голоса, щебет воробьёв, шарканье шагов, подвывание и шелест далёкого троллейбуса. Обе шторы на окне, от солнечного света ветхие, кинулись вперёд как по сигналу, развернулись и выпукло надулись парусами. Ком холодного воздуха прокатился по комнате, забурлив в пепельнице тревожно выскочившим пеплом. Створка окна, блеснув, как выстрел в висок, стремительно захлопнулась. Шторы, словно расстрелянные, моментально обвисли. Пепел на столе из последних сил прополз немного и застрял на полпути среди окурков, похожих на падшую мелкую скотину.

Нелли вошла в комнату и твёрдо остановилась посередине. Лёля, сделав страшные глаза, спряталась у неё за спиной. Отличник рассматривал их сквозь туман ресниц. Нелли была одета для института, а Лёля — в халате, который ей был велик и вечно сваливался у неё то с одного плеча, то с другого, как спящий кавалерист с лошади.

— Вы что, сдохли, что ли, уроды? — свирепо предположила Нелли. — Подъём!

С кровати Игоря донёсся печальный стон.

— Доброе утро, красавицы, — сонно сказал Игорь.

— Опять всю ночь по бабам таскался? — напрямую спросила у него Нелли.

— Господь с тобой, радость моя, — сладко произнёс Игорь, прикрывая глаза от солнца ладонью. — Учебники, учебники...

— Знаем мы твои учебники, — грозно и туманно заявила Нелли. — Лучше бы не сочинял, старый пёс, а сигарет дал.

— А в буфете их приобрести невозможно?

— Ты такой жадный, Игорёк!.. — с ужасом ахнула Лёля.

— Вон лежат, на стуле, — не меняя позы, указал Игорь.

Нелли взяла со стула открытую коробку, посмотрела и сказала:

— Подлец! Тут пусто!

— Как пусто? — удивился Игорь. — На момент моего погружения в сон там содержалось не менее пяти штук.

— Их, наверное, Ванечка выкурил, — предположила Лёля.

— Я Ивана, видимо, вскоре ударю бутылкой по голове, — задумчиво произнёс Игорь. — Посмотри тогда, радость моя, в моей тумбочке, внизу.

— Больно мне охота в твоих грязных подштанниках рыться.

— В таком случае не смотри, — спокойно согласился Игорь.

Нелли присела и открыла дверцу его тумбочки. Фыркая и шипя, она побренчала дезодорантами Игоря и общила:

— Подлец! Тут их тоже нет!

— Так, — глубокомысленно подвёл итог Игорь. — Тогда, радость моя, посмотри в кармане у Ивана. Больше сигаретам деться некуда.

Ванька спал одетым поверх одеяла лицом к стене. Нелли, скорчив гримасу отвращения, подошла к нему и запустила руку в карман его джинсов.

— Не спутай карман с ширинкой, — предостерег Игорь.

— Всю жизнь не путала и вдруг спутаю... — проворчала Нелли.

— Только без рук, гады... — во сне пробормотал Ванька.

Когда Нелли, добыв сигареты, с презрением удалилась, Лёля крадучись направилась к Ваньке. Встав на цыпочки,

она осторожно заглянула ему в лицо и ласково погладила по плечу.

— Ва-нечка, — тихо позвала она. — Ва-ня... Просыпайся.

— Хрен вам, — буркнул Ванька.

Лёля печально вздохнула и посмотрела на Игоря.

— Игорёк, а ты спишь? — шёпотом спросила она.

— К сожалению, ещё нет, — официально ответил Игорь.

— Пойдём к нам чай пить.

— Знаешь, радость моя, я бы лучше отдал предпочтение сну.

Лёля опять вздохнула и отправилась к Отличнику. Она присела на край его койки, положила руки ему на грудь и, наклонившись, потянулась к нему губами. Они мелко поцеловались несколько раз. Отличнику было приятно чувствовать мягкие Лёлины губы.

— Приходи, Отличничек, к нам чай пить, — шептала Лёля.

— А ты мне купишь коржик с зубчиками?

— А ты обещай, что придёшь, тогда куплю.

— Обещаю.

— Дай честное-пречестное, самое верное слово.

— Лопни моя прорва, — смеясь, поклялся Отличник.

Отличник постучался и вошёл в комнату номер двести двенадцать. Лёля сидела у стола и, обернув ладонь полотенцем, разливала по стаканам заварку из маленького, пузатого чайника, похожего на игрушечного слона. Нелли с ногами забралась на подоконник и курила — она любила курить, сидя на подоконнике. В окне за её плечом Отличник увидел угол стены

общаги, сложенный из жёлтого, как вечность, кирпича. Угол уходил по резкой вертикали вверх и вниз, за урезы окна. На каждом кирпиче солнечный свет играл как мелкая вода на гольшах переката. Вдалеке, за дорогой, за троллейбусной остановкой, за больничным парком, за мостом, растворяясь в утренней майской лучезарности, плавали призрачные розовые многоэтажки заречного района.

— Садись на Неллечкин стул, — пригласила Отличника Лёля.

Золотой дым сигареты смешивался с майским золотом солнца, и Нелли выглядела как светило во время затмения — тёмный силуэт, испускающий сияние.

— Какая ты красивая, Нелли, — усаживаясь, сказал Отличник.

— Кто тебе это сказал? — не сразу спросила Нелли.

— Никто. Я сам вижу.

— Ты не можешь этого понимать, потому что ты юн и, следовательно, глуп, — безапелляционно заявила Нелли.

— Опять ты, Неллечка, обижаешь Отличника, — укорила её Лёля. — Я тебе, Отличничек, купила коржиков, какие ты просил...

— Спасибо, Лёля, — сказал Отличник, взял коржик и стал сгрызать с него зубчики.

— Я не обижаю его, — возразила Нелли, пуская дым. — Я приучаю его трезво глядеть на мир и избавляться от инфантильных иллюзий.

— При чём тут инфантильные иллюзии? — улыбнулся Отличник.

— Ты в этом ничего не можешь понимать, потому что ты маленький мальчишка. Сознайся, кто тебя подучил так сказать.

— Не слушай её, Отличничек, — посоветовала Лёля, расставляя стаканы двумя пальцами. — Она бешеная.

— Сам я это понял и сказал просто так! — не унялся Отличник.

Нелли подумала и напрямик спросила:

— И чего тебе от меня надо?

— Ничего, — пожал плечами Отличник.

— Значит, ты в чём-то провинился, — убеждённо изрекла Нелли.

Она спустила ноги, спрыгнула на пол и ловко швырнула окурочку в форточку. Одёрнув юбку, она деловито уселась Отличнику на колени и по-хозяйски обняла Отличника за шею.

— Я тоже так хочу, — завистливо сказала Лёля.

— Тебе нельзя, Лёлька, потому что ты старая и толстая.

— Ты сама, Неллечка, старая и толстая, — обиженно сказала Лёля и стала дуть в стакан. — Даже старше и толще, чем я.

Нелли провела ладонью по лбу Отличника, взбив ему волосы, и задумчиво посмотрела ему в глаза.

— Отличник, — велела она, — скажи честно: ты меня любишь?

— Конечно, люблю, — серьёзно ответил Отличник.

— А как я могу узнать, правда ли это?

— Поверить, — подумав, сказал Отличник.

— Нет... — недоверчиво сказала Нелли. — Таких уже не бывает.

— Он же есть, — улыбнувшись, возразила Лёля.

— А кого ты больше любишь, меня или Лёльку?

— Это глупый вопрос, Нелля.

— Давай поженимся, а? — внезапно предложила Нелли.

— Мы и так всегда будем вместе, — уверенно возразил Отличник.

— Нет. Всего-то через год и я, и эта корова, и Симанков с Каминским получим дипломы и разъедемся, а ты будешь учиться здесь ещё три года.

— Но вы будете ездить в гости ко мне, а я — к вам.

— Чепуха. Мы все забудем друг друга. А так я буду тебя любить и дальше.

— А как же Игорь, Неллечка? — ехидно спросила Лёля.

— С ним я буду изменять Отличнику.

— Может, Неллечка, тогда лучше выйти замуж за Игоря и изменять ему с Отличником?

— Нет, — поразмыслив, не согласилась Нелли. — Отличник на такое не пойдёт.

— Нелля, ты бы сменила тему, — предложил Отличник.

Нелли закрыла ему рот ладонью.

— Отличник! — официально заявила она. — Заткнись и слушай. Я — женщина, которая старше и умнее тебя во много раз. Я буду учить тебя жить, чтобы ты не погиб. А ты будешь делать всё, как я скажу.

— Нам, Неллечка, нельзя учить Отличника, — возразила Лёля. — Мы развращённые, а он чистый.

— Ну... Лёля... — весь поджался и скривился Отличник.

Нелли захохотала, схватила Отличника за щёки и поцеловала.

— Скажи, Отличник, — весело предложила она, — ты что, и вправду веришь, что мы хорошие?

— Дура ты, Караванова! — яростно стирая помаду, сказал красный Отличник. — Убирайся давай с моих колен!..

— Ну чего в нас хорошего? — допытывалась Нелли.

— Отстань!

— Я знаю: ты понимаешь, что каждому из нас кажется, будто в нём есть что-то хорошее и важное для всех. Но неужели ты веришь, что так на самом деле?

— Знаешь, как ты мне надоела? — с досадой сказал Отличник. — Шла бы поскорей на свою консультацию, а то опять выгонят за опоздание.

— А может, и вправду есть?.. — робко предположила Лёля.

— Просто он один в это верит, вот ты в него и влюбилась.

— Ну какая же ты противная, Неллечка!.. — сконфузилась Лёля.

— Тс-с-с!.. Тихо! — вдруг шёпотом закричал Отличник. — Тихо вы!.. Кажется, Ботва пришла!

Все разом замолчали. В блоке кто-то стучал в чью-то дверь. Лёля потихоньку приоткрыла свою дверь и глянула в щёлку.

— Ботова к вам... — оглянувшись, прошептала она Отличнику.

Ольга Васильевна Ботова была комендантом общежития. Кличка у неё была Ботва. Маленькая, толстая, дряблая, с близко поставленными глазами, неизменно одетая в синий тренировочный костюм, она и вправду чем-то напоминала ботву — завядшую, бесформенной кучей выброшенную за ненужностью.

Уверенным шагом она вошла в блок и забарабанила в дверь двести четырнадцатой комнаты, где жили Отличник, Игорь и Ванька.

В блоке было четыре комнаты, объединённые узким п-образным коридорчиком. Здесь находились умывалка и туалет. Стены были покрашены глухо-сизой,

пластилиновой краской. Они словно бы покрылись гусиной кожей от того, что краска была с мусором и плохо размешана. Дурно оструганные косяки словно зудели махрами задравшейся, нерасчёсанной древесины. Пол покрывала жёлто-оранжевая банная плитка.

Постучав, Ботова сразу открыла дверь и вошла.

— ...И ещё спите! — донёсся до двести двенадцатой её громкий голос. — Ну-ка, давайте вставайте! Все уже на занятиях!

— Доброе утро, Ольга Васильевна, — едва слышно Отличнику ответил Игорь. — У нас ведь сессия, свободный день...

— Знаю я ваш свободный день!.. Почему у вас в комнате электрочайник? Запрещается ведь держать электроприборы в комнате!

— Электрочайником, Ольга Васильевна, крайне затруднительно сжечь кирпичное здание.

— Ну, не знаю, не знаю, Игорёк... Симаков, ну-ка подъём!

Ответа Ваньки слышно не было. Если даже он и проснулся, то всё равно притворился спящим.

— Симаков! Из пушки не разбудить засранца... Ну ничего, он мне ещё поклонится в ножки. Бегаешь тут за ним, как не знаю за кем, по-хорошему относишься... «Не буду, Ольга Васильевна, больше не повторится!» Вам веришь, а вы мне подлите!

— А что он опять натворил, Ольга Васильевна?

— Ну, что-что... До пяти утра спать не давал, орал матерные песни на чёрной лестнице, в двери чужие, паразит, ломился, бутылки из окна кидал. Ещё неизвестно, кто на вашем этаже балконную дверь разбил — тоже он, наверное. Где он пил-то вчера? С тобой? Или с этими вашими девками из двести двенадцатой?

— Нет, Ольга Васильевна. И мы, и девушки вчера рано спать легли. Да и Иван вроде бы часа в два пришёл.

— Уж ты бы мне не врал, Игорёк, дружка своего не покрывал бы. Мне ведь про него уже всё рассказали. Ты так ему и передай, что завтра у нас студсовет и будем ставить вопрос о выселении Симакова из общежития. Чтобы в семь часов вся комната ваша в читалке была. Я, Игорёк, тебя лично попрошу, чтобы ты привёл Симакова. А сегодня пускай он под окном стекло от бутылок подметает.

— Помилосердствуйте, Ольга Васильевна! — взмолился Игорь. — Вы же доброй души человек! Не выгоняйте его, я лично за ним следить буду! А сессия скоро закончится, и он уедет на практику!

— Добрая-то я добрая, Игорёк, но на всё добра не хватит. Сколько его терпеть можно? Раз ему сказали, два, три — ничего не понимает! Ну и пусть катится, такие нам не нужны! Вы за него уже сколько раз заступались? И до сих пор не поняли, какое это говно? Хватит, выгоним, и без права поселения на будущий год. Пусть тогда где хочет, там и живёт — на вокзале, на помойке, меня это не касается. И всё, больше не уговаривай меня.

Ботова подумала.

— Да, вот ещё, — вспомнила она. — Ты, Игорёк, сейчас, как встанешь, ничем не занят?

— Учиться буду.

— Ну... Тогда ты приди ко мне, сможешь мне замок на чердак навесить, а то плотника сегодня нет, и Ринат на работе. Там только петлю починить надо. Придёшь?

— Конечно, обязательно приду. Только зря вы, Ольга Ва...

— Всё-всё, ничего не слышу! — перебила она. — Я уже ухожу!

Подслушивавшая Лёля проворно закрыла дверь. По блоку прошлёпали тапки Ботвы.

— Сука, — сказала Нелли.

— Ну как так можно?.. — страдальчески спросила Лёля.

Нелли встала, взяла массажную щётку и, глядя в зеркало на стене, начала причёсываться. Потом бросила щётку на кровать и выдвинула ногой из-под шкафа босоножки.

— Ладно, — холодно сказала она. — Пойду я на консультацию, а то и вправду опоздаю.

— Разозлилась, — печально пояснила Лёля, когда Нелли вышла. — Неллечка думает, что Ботва любит Игоря, и ей неприятно, что Игорь будет с Ботвой общаться.

— Мне кажется, что комендантша и действительно того... — Отличник неуверенно замолчал, ожидающе глядя на Лёлю.

— Всем так кажется. — Лёля отломил кусочек коржика. — Игорь говорит, что она ещё с первого курса его домогается. Вообще говорят, что она тут чуть ли не с половиной парней перетрахалась.

— А Ванька что? — перевёл разговор Отличник. — Выгонят его?

— Да вряд ли, конечно. — Лёля достала ложку из стакана и начала обводить ею квадраты на клеёнке, покрывающей стол. — Игорь за него заступится, да и Ваня ведь дружит с Ринатом, мужем Ботовой, и с Гапоновым... Если кого-то выселяют, то в конечном счёте решает студсовет, а не комендантша, а Гапонов — председатель студсовета. Да и кого выселяют на сессии? Всё равно все скоро разъедутся на практику.

— Почему же ты такая грустная стала, Лёля?

— Просто не люблю всего этого... Ване придётся с этими ублюдками связываться — с Гапоновым,

с Ринатом, Игорю — с Ботвой, Неллечка будет злиться... Да и вообще... Страшно, когда тебя могут вот так раз — и выбросить на улицу, а жить негде и не на что...

Отличнику стало душно. Он поднялся из-за стола и повернулся к окну. Солнце ослепило его. «Оттолкнуться коленями — и туда... — подумал он. — Чтобы не успеть поверить во всё это, чтобы ещё счастливым...»

Сзади подошла Лёля и погладила его по затылку.

— Отличничек, — прошептала она. — Ну что ты? Всё будет хорошо. Ведь нас не разлучит какая-то Ботва...

Она усадила Отличника на койку, сама села рядом и надолго замолчала.

— О чём ты думаешь? — наконец спросил Отличник.

— Я хочу понять, почему Ванька пьянствует, — медленно сказала Лёля. — Мне кажется, это ему и удовольствия-то большого не доставляет... Меня пугает, что он, когда пьяный, всех будить бросается, кричит, в двери ломится, даже к чужим.

— Он нас с Игорем всегда поднимает, когда пьяный приходит, — подтвердил Отличник. — Просит, чтобы мы дежурили, потому что боится во сне проблеваться и задохнуться.

— Сколько я с ним ни пила, его никогда не тошнило, — заметила Лёля. — И мне страшно, Отличничек, когда он пьяный... Он сам не знает, куда злость свою девать, и бегаёт, всех будит, буянит или ещё дальше напивается. И страшно, и жалко его, ты не представляешь, как жалко! — Лёля глядела в глаза Отличнику. — Ведь он совсем не злой, просто ни капельки. Он мягкий, добрый, весёлый, умный. Умные ведь не бывают злыми — только жестокими.

— Почему же тогда он — злой?

— Мне кажется, что это не злость, а отчаяние. Он от отчаяния кажется злым. И будит от отчаяния.

— А откуда у него это отчаяние?

Лёля пожала плечами.

— Мне кажется, что ему просто страшно быть наедине с собой. Мучает его что-то... — Она отвела взгляд от Отличника. — Он вечно выделяется и выдаёт себя за другого. Раньше он в приличной компании пил — с нами, с Игорем, со Стрельченками, с Мишей Беловым, с Бумагиным, и всё было нормально. А с третьего курса начал бухать с какими-то идиотами типа Гапонова, Рината или Генерозова — вот тогда и пошёл буяннить. А почему? Что случилось?

— И ты считаешь, что это от того, что он себя боится?

— Что-то и страшное, и жалкое у него на душе, и он боится думать об этом, изгоняет все мысли. Но что с ним может быть? Это, понимаешь, не чего-то там плохое, ужасное, вроде как он зарезал кого, а, наоборот, что-то хорошее, чистое, что у него отняли...

— Я знаю, что ты думаешь, — сказал Отличник. — Ты думаешь, что все Ванькины вывихи из-за того, что он в кого-то неудачно влюбился и любит до сих пор.

— А разве не похоже? — тихо спросила Лёля. — Ведь я ему нужна, только чтобы потрахаться со мной...

— Нельзя так говорить, Лёлечка. И думать так нельзя, — твёрдо возразил Отличник. — Он любит тебя, но почему-то боится своей любви. Он не тебя мучает, а себя.

— И всё же я не могу так жить... — совсем тихо сказала Лёля.

Лёля ссутулилась и поникла, сплела пальцы и стиснула руки между коленей. Отличник за подбородок осторожно приподнял её голову, чуть нагнулся и заглянул

ей в лицо. Лёля сидела не открывая глаз, но ресницы тяжело набухли слезами.

— Ну что ты, Лёлечка, — нежно сказал Отличник, утешая её, как только что его утешала она. — Конечно, Ванька свинья... Но ты терзаешь себя, когда пытаешься его осуждать. Брось. Прими его таким, какой он есть. Ведь твой главный дар — это сострадание... Ты это умеешь... Не изменяй себе, и всё придёт. Если хочешь, я помогу тебе, как получится, конечно...

Лёля молча и вслепую подставила ему губы. Отличник поцеловал её, и она стала вытирать лицо ладонями.

— Может, так и надо... Во мне, Отличник, иногда вдруг столько гадких мыслей появляется, что я сама себе удивляюсь... А ты говоришь, что я добрая.

— Это плохо, когда гадкие мысли, — согласился Отличник. — Но это не самое страшное.

— А что самое страшное?

— Когда не любишь, — убеждённо сказал Отличник.

И тут дверь вдруг распахнулась, и с порога раздалось:

— Та-ак, мои кости моят, сплетничают, на постели валяются!.. Лёлька, я тебя сколько раз предостерегала от случайных связей? Тем более с детьми.

Нелли закрыла дверь, скинула туфли и положила на стол сумку. Лёля встала и подошла к Нелли, которая в это время убирала в шкаф косынку. Лёля обняла её сзади за талию и потёрлась щекой о плечо.

— Ты всё-таки не пошла на консультацию, Неллечка?

— Уйди, старая шлюха, — сварливо сказала Нелли.

— Ты меня ещё любишь, Неллечка? — жалобно спросила Лёля.

— Лёлька, ты сама подумай, — отстраняясь и разворачиваясь лицом, нравоучительно сказала Нелли. — Я люблю Отличника. Ты у меня его отбиваешь. Целуешься,

валяешься с ним в койке, ревёшь — вижу по глазам. И как я могу любить тебя после этого? — Она сделала паузу и сказала Отличнику: — Я сейчас буду переодеваться, но ты можешь не отворачиваться. С детьми даже в женскую баню пускают.

Нелли начала расстёгивать пуговицы блузки.

— Но ведь Отличник не твой лично, Неллечка, — заметила Лёля. — Я ведь могу немножко его полюбить, пока тебя нет.

— Как не мой? — удивилась Нелли. — А чей же? Кто его воспитал, родил, грудью вскормил, в конце концов?

— Отличник общий, — упрямо возразила Лёля.

Когда Отличник вернулся в свою комнату, Игорь и Ванька уже проснулись. Игорь заправил кровать, сидел на ней и курил, стряхивая пепел в пепельницу, стоящую перед ним на стуле. Ванька тоже сидел на своей взрытой постели и брэнчал на гитаре. У них обоих был такой вид, словно только что они сказали друг другу что-то очень неприятное. Следуя их примеру, Отличник тоже опустился на свою койку.

Ванька был босой, в мятых джинсах с расстёгнутой шириной и в клетчатой рубашке, раскрытой по всей длине. Он внимательно глядел на гриф, по которому робко переступали его жёлтые, прокуренные пальцы, и медленно, запинаясь, набирал на струнах мелодию романса «Белая акация». Ванька был одного роста с Отличником, но старше всех: старше Игоря на два года, Нелли и Лёли — на три, а Отличника — на целых шесть лет. Самым ярким впечатлением от его внешности была всклокоченная тёмно-рыжая борода, из которой торчал длинный нос. В противоположность одетому Ваньке Игорь сидел на кровати в трусах и белых носках.

Но, в отличие от Ваньки, который носил простонародные, раздольные сатиновые «семейники», Игорь признавал лишь узкие плавки. Они очень шли к его поджарой, вытянутой фигуре с широкими плечами и узкими бёдрами, к смуглой коже, щедро поросшей чёрным волосом.

Увидев Отличника, Игорь посмотрел на Ваньку и сказал:

— Иван. Вот пришёл Отличник. Есть предложение начать серьёзный разговор.

Ванька страшно не любил таких серьёзных разговоров, в основном потому, что обычно его начинали воспитывать. Он уронил руку на струны, высыпав на пол оставшиеся ноты романса, и, глядя на гриф, запел дурным голосом, варварски себе аккомпанируя:

Поговорить серьёзно надо,
Ведь мы живём одной семьёю,
И я вас всех давно затрахал
Своим дурацким поведением...

Некоторое время Игорь молча смотрел на Ваньку. Игорь был склонен к подобным эффектным театральным паузам. Ванька нервничал и злился.

— Ну, Иван, — начал Игорь, — будь так добр, расскажи, как ты провёл миновавшую ночь.

Ванька механически колупнул ногтем струну.

— Хрена ли докапываешься? — грубо спросил он.

Ванькина грубость была первым шагом назад. Игорь, соответственно, сделал шаг вперёд.

— Ну, поведай нам, с кем ты принимал алкоголь, в каких количествах? Поясни, зачем ты производил на чёрной лестнице — нечеловеческий ор, из окна — бросание

бутылки, в коридоре — выбивание дверей? Поясни нам, во имя чего всё это?

— Во имя моей собственной охоты к этому, — пробурчал Ванька.

— Ну хорошо, Иван, — сдерживаясь, сказал Игорь. — Судя по всему, для тебя большую ценность, нежели Лёля, Нелли, Отличник, в конце концов, я, представляют горячительные напитки вкупе с Гапоновым, Ринатом, Жихарем и иже с ними. Видимо, они за тебя беспокоятся, ты им дорог, они желают тебе помочь, даже если ты их не уполномочивал. Пусть так. Тогда узнай, дорогой друг, что с утра визитом доброй воли тебя лично почтила Ботова Ольга Васильевна, комендант.

— И чего этой глисте надо? — хмуро спросил Ванька.

— Она сообщила нам, что завтра состоится студсовет и тебя выселят из общаги.

— Хер они меня выселят, — уверенно сказал Ванька.

— Иван, позволь тебе напомнить, что ты живёшь здесь четвёртый год. Следовательно, ты знаешь, что этот акт имеет большую степень вероятности и проводится элементарно.

— Ну выгонят, и плевать. Вернусь через день, и всё.

— Сейчас начало сессии у заочников, Иван. Мест в общаге и так нет, а сейчас тем более.

— Выгоню этого драного заочника, которого на моё место поселят, и барахло его в окно вышвырну, — более уверенно сказал Ванька, вдруг схватил гитару, заиграл и заорал:

А пусть он, гнида, собирает
Да по асфальту свои шмотки,
Свои дырявые рубашки
И сорок пар носков вонючих,

А также свой будильник верный
И туалетную бумагу,
И семь трусов своих семейных
Да по огромному пространству!..

— Прекрати ёрничать, — продолжил воспитание Ваньки Игорь, переждав Ванькину серенаду. — Кого ты выгонишь, Иван? Селить будет Гапонов, и поселит он своего собутыльника, скажем, того же Жихаря. Ты Жихаря сумеешь выгнать, Иван? Подумай в меру своих возможностей.

— Не будет он селить его вместо меня. Бухали же...

— Не тешь себя иллюзиями, Иван. Он поселит. Ему на тебя наплевать. Какие они тебе друзья? Проглотят и не подавятся.

— Ладно, Игорёха, я уже миллион раз это слышал... Ну и что? Вам-то что, а?

— А нам вот что, слушай. Ты, безусловно, станешь жить нелегалом. И вот тебе вопрос: где? Есть вариант: в комнате у Нелли с Лёлей. Это значит, что через неделю тебя выловит бабка Юлька, доблестный вахтёр, и всей комнате будет за это непоселение на будущий год.

— Не ссы, не буду я там жить, — раздражённо сказал Ванька. — И без вас найду где...

Игорь обомлел.

— Ты, Иван, за кого, интересно знать, нас считаешь? Да это же свинство чистой воды, Иван...

Игорь поднялся, сдёрнул со спинки стула свои брюки и, повернувшись к Ваньке спиной, принялся натягивать их, прыгая на одной ноге. Ванька молчал, сидел неподвижно, а потом вдруг яростно сбросил с колен гитару.

— Блядь! — в сердцах выругался он. — Ладно, простите меня. Игорёха, слышь?.. Не люблю я этих бесед

за жисть... Давайте конструктивно поговорим. И сигаретой угости.

Игорь, стоя спиной к Ваньке и отдуваясь, застегнул ширинку, ремень, достал из кармана пачку сигарет и бросил на стол.

— Не злись, Игорь, — попросил и Отличник.

— Зачем ты его жалеешь, Отличник? — спросил Игорь, всё ещё не глядя на Ваньку. — Он же нас ни в грош не ставит!

— Ну хватит, Игорёха, — глядя на него из-под бровей, сказал Ванька. — Полаялись, и будет. Скажи лучше, чего я должен сделать?

Игорь надел рубашку, сел на койку, тоже закурил и сказал:

— Во-первых, ты должен уговорить Гапонова, чтобы он тебя не выселял.

— Это как два пальца обоссать, — прокомментировал Ванька.

— Во-вторых, пообещать Ботовой, что прекращаешь пьянку. В-третьих, убрать стёкла от бутылки с асфальта под окнами. Со своей стороны я сегодня поговорю с комендантшей и попытаюсь её умаслить.

— Лучше ублажи её, — скромно посоветовал Ванька.

— Твои острооты, Иван, очень часто отличаются отсутствием ума, юмора и такта, — холодно заметил Игорь.

— Ладно, замаяли, — тут же согласился Ванька.

— А зачем заминать, Иван? У тебя излюбленная тактика — не выяснять отношений.

— А на хрена нужны эти гнилые разборки?

— Эти, как ты выразился, Иван, гнилые разборки нужны, чтобы лучше понять друг друга. Например, понять, почему ты пьёшь.

— Ты чутьём понять попробуй, а не лезь в душу.

— Я не лезу в душу, Иван. Я не вор. Я прошу разрешения войти. И всё-таки ответь на мой вопрос: почему ты пьёшь?

— Станция «Березай», приехали, вылезай! — с досадой сказал Ванька.

— Лёля думает, что ты... — начал было Отличник.

— Да заколебала Лёлька меня своей простотой! — разозлился Ванька. — Знаю я всё, что она думает! Думает, что у меня баба какая-то, которую я безответно люблю, оттого и пью. Убеди ты её, Отличник, как друга прошу, что фигня всё это!

— Но, Иван, ты действительно живёшь неправильно, хотя я и не берусь судить о причине. Мы все хорошо изучили тебя, и мы видим, что ты не тот, за кого себя выдаёшь, что твой образ жизни — это гусарство, лихачество. Он не годится для тебя, потому что ты слишком умён, слишком тонко чувствуешь...

— Где тонко — там и рвётся, — перебил Ванька.

Игорь осёкся, но сообразил и продолжил:

— Вот посмотри, Иван, сколько сегодня ты нам неприятностей доставил. В конце концов, ты не только нам кровь переводишь, но, что для всех нас гораздо тяжелее, ты и себя гроишь, жизнь прожигаешь! Ты же не Гапонов, не Ринат и не Жихарь с Генерозовым, чтобы такая бездарная жизнь доставляла тебе, как ты утверждаешь, удовольствие!

— Короче, чего надо? — утомлённо спросил Ванька.

— Не пей.

Ванька ответил кратко, энергично и матерно.

— Ладно, чёрт с тобой, Иван. Не пей с ними и не буянь. В принципе, это одно и то же. Если ты напиваешься в их компании, ты всегда буянишь. Давай договоримся: с сегодняшнего дня ты пьёшь только с нами. По рукам? Тебе можно верить?

— Почём я знаю, можно ли мне верить? — мрачно сказал Ванька.

Игорь поглядел на часы и хлопнул себя по бёдрам.

— Может, на неделю, Отличник, мы совесть в нём пробудили, — сказал он, вставая с койки. — Пойдём тогда, мой юный друг, посетим пункт общественного питания с целью общественно напитать себя. А ты, Иван, сиди тут и думай как о нашем разговоре, так и о нашем уговоре. Можешь заодно и ширинку застегнуть.

— Да ну вас... — буркнул Ванька. — Отвалите Христа ради...

После столовой Игорь решил отправиться помогать Ботве и потащил Отличника за собой. Они прошли через вестибюль, чинно поздоровались с бабкой Юлькой, сидевшей на вахте, и свернули в небольшой коридорчик, где находились комната и кабинет комендантши. Игорь велел Отличнику подождать в коридоре, а сам постучался и вошёл.

Отличник слонялся у двери комендантской не меньше получаса, пока наконец не вышли Игорь и Ботова. В руке у Игоря была плоская грязная картонная коробка, вскрытая с одного конца. Из коробки торчала жёлто-прозрачная, промасленная обёрточная бумага.

— А этот нам зачем? — запирая дверь, спросила про Отличника Ботова.

Игорь за её спиной подмигнул Отличнику: всё, мол, схвачено.

— Ну как зачем, Ольга Васильевна? — с укором пояснил он. — Помогать мне будет, подай-принеси. Согласитесь, по всяким мелочам не вас же мне гонять.

Они направились к лестнице и начали подниматься. Спускавшиеся навстречу девушки, увидев комендантшу, замолчали и, проходя мимо, внятно поздоровались.

На чердак общежития и далее на крышу имелось два выхода. Один люк над площадкой главной лестницы был тщательно окрашен и с незапамятных времён закрыт на амбарный замок. Второй люк над чёрной лестницей был ржав, но всегда открыт. На зиму петли замка заматывали проволокой, но по весне студенты сдирали её и лазили наверх учиться и загорать.

Ботова остановилась под этим люком, задрала голову и сказала Игорю:

— Ты взгляни, Игорёк, там на крышке люка петли для замка, а одну сорвали, и люк не запереть. Ты уж почини как-нибудь...

— Нет проблем, — поднимаясь по грохочущей стремянке и осматривая петли, сказал Игорь. — Для вас, Ольга Васильевна, хоть с крыши сброшусь... Отличник, подай, мой друг, плоскогубцы.

— Нет, Игорёк, сбрасываться не надо, — посоветовала комендантша. — До меня-то другой комендант был, так вот при ней — в каком это? Году в восемьдесят втором, получается, один дурак спрыгнул, и попёрли коменданта...

— И вас после этого назначили?.. Отличник, теперь отвёртку... То-то старшекурсники мне говорили, пока я на первом-втором учился, что раньше в общежитии бардак был, а теперь — порядок. А почему тот дурак спрыгнул, Ольга Васильевна?

— Кто его знает. Наверное, пьяный был.

— Пить — здоровью вредить, — изрёк сверху Игорь.

— Это ты Симакову скажи, — сварливо отозвалась комендантша.

— Мы его, Ольга Васильевна, под вашим руководством от выпивки мигом отучим, — заверил Игорь.

— Не верится мне что-то, Игорёк. Я вот гляжу, компания у вас там не из тех, где исправиться можно. Один ты приличный человек.

Отличник глядел вверх и видел небо в чердачном проёме, небо в темноте помещения лучисто-голубое, ослепительное, с белым пером облака. Отличник как-то забыл, где он находится. Этот лоскут неба, отстриженный от небосвода, казалось, как живую картину, можно было перенести в любую часть света. Он был безотносителен к земле, и поэтому под ним могло случиться что-то необычайное, чего на земле не бывает, что-то щемяще-прекрасное. Отличник вдруг увидел это палящее небо над кипящим тропическим лесом, обрезанным кромкой пляжа, где из песка торчат шипастые завитки раковин, а рядом гудит океан, встающий горой у горизонта... И там, на волосатом стволе поваленной пальмы, крону которой уже съел прибой, ждёт его какая-то девушка, ещё не известная, но уже любимая и желанная. Там, на вулканическом острове Тенерифе, ждёт Отличника неизмеримое счастье.

— Отличник, — позвал Игорь. — Подай петли, шурупы и молоток.

Отличник взял у комендантши неожиданно тяжёлую коробку и осторожно высыпал на цементный пол её содержимое: массивный замок в смазке, горсть шурупов, кольцо с ключами и петли. Выбрав нужное, Отличник подал всё это Игорю.

— Почему это, Игорёк, ты его так зовёшь? — улыбаясь и глядя на Отличника, спросила комендантша.

Отличник покраснел.

— Потому что учится на одни пятёрки, — пояснил Игорь. Он чуть-чуть сполз вниз по лестнице и стал привинчивать новую петлю к косяку люка. — А за... чем вы,

Оль... га Василь... евна, хотя... те крышу запе... реть? — Каждая пауза приходилась на тот момент, когда Игорь с силой давил на отвёртку и ввинчивал шуруп.

— Да я сама-то, Игорёк, ничего против не имею. Если вы там загораете — не положено, конечно, но я сквозь пальцы смотрю уж. Не такая я и самодурка, как вы считаете. Мне проректор велел. Есть тут у него люди, которые ему рассказывают всё, ну, они ему и рассказали, что кое-кто тут из наших залезут на крышу, запрутся там и... это... Ну, короче, Игорёк, велел проректор закрыть крышу, чтобы из неё публичный дом не устраивали.

— Подай замок, Отличник, — велел Игорь. — И ключи тоже.

Игорь вставил дужку замка в петли, запер замок и толкнул крышку люка вверх. Замок прыгнул, петли выдержали.

— Принимайте работу, Ольга Васильевна, — спускаясь вниз и отдавая ключи, отрапортовал Игорь.

— Ну спасибо, Игорёк! — обрадовалась комендантша. — Теперь я твой должник. Приходи ко мне чай пить с печеньем.

— Непременно, Ольга Васильевна, — пообещал Игорь. — И вы к нам тоже приходите, не забывайте нас... Что ж, мой юный друг, не выкурить ли нам сигарету после трудового подвига?

Комендантша пошла вниз по чёрной лестнице, а Игорь с Отличником вышли на балкон. Высокое солнце стояло над общагой, словно облокотившись о её стену, сложенную из жёлтого, как вечность, кирпича. Игорь закурил и навалился на перила балкона.

— Дело сделано, — довольно сказал он. — Отмазал я Ивана, пока в комендантской торчал. Только вот

не вызывает во мне положительных эмоций процесс лизания задниц... Я тебе, мой юный друг, сюрприз хочу сделать. — Игорь порылся в кармане. — Зная твою склонность к юношеским мечтаниям на крыше, я тебе у Ботовой с колечка ключик позаимствовал.

Игорь протянул Отличнику новенький ключ.

— Спасибо, — искренне обрадовался Отличник.

— Только уговор, — предупредил Игорь, — если тебя застукают, я тебе ключа не давал, хорошо?

Возвращаясь домой, у двери двести двенадцатой комнаты Игорь выбросил окурок, постучался и вошёл. Нелли сидела на подоконнике и курила. Лёли в комнате не было. Отличник не хотел заходить — он собирался засесть за учебники, но в проёме двери Нелли увидела его, и в таком случае уйти Отличник посчитал невежливым. Он вошёл вслед за Игорем.

Нелли молчала, глядя на них. Подойдя, Игорь обнял её за плечи и поцеловал в лоб.

— Чего припёрлись? — фальшивым тоном спросила Нелли.

— На тебя посмотреть, — ответил Игорь.

— Посмотрели — и будет, — сказала Нелли, затянулась сигаретой и отвернулась к окну.

— Ты чего такая злая? — напрямую спросил Игорь. — Узнала на консультации, что опять готовилась не к тому экзамену?

— Отстань, — раздражённо сказала Нелли. Она по-прежнему смотрела в окно и не поворачивалась.

Отличник подумал, что Игорь и Нелли лучше поладят вдвоём, и беззвучно приоткрыл дверь. Игорь оглянулся на него и благодарно кивнул. Отличник выскользнул наружу и пошёл к себе.

Ваньки в комнате не было, но сидела однокурсница Игоря Марина Савцова. Это была невысокая, полная девушка с сильно развитой грудью и крашеными волосами. Она была довольно симпатичной. Лицо её имело спокойно-развратное, какое-то манящее выражение, словно готовое каждый миг смениться на выражение крайнего наслаждения. Марина оторвалась от газеты, которую читала, и с улыбкой поглядела на Отличника.

— Приве-ет, — низко и нараспев сказала она. — А где Каминский?

— Ушёл куда-то, — ответил Отличник, не желая, чтобы Марина сунулась сейчас в двести двенадцатую комнату.

— Ну ладно, ждать его я не буду, — с сожалением сказала Марина, встала и подошла к зеркалу. — Ты передай ему, что Надя Новиченко к родителям сегодня поехала.

— Передам, — сказал Отличник.

Марина хитро усмехнулась ему и поплыла на выход. Отличник понял, зачем она приходила. Игорь давно уже посвятил его в свои любовные похождения. Марина жила в двухместке вместе с Новиченко, и, если та уехала к родителям, значит, Марина до завтрашнего вечера будет страдать от одиночества, которое Игорь поможет ей скрасить. Отличник взял полотенце и протёр зеркало, словно стирая с него отражение Марины, а потом достал учебники и уселся на стул, где только что сидела Марина. Стул хранил тепло её соблазнительного зада, и Отличник как-то разволновался, но потом плюнул, мысленно послал Марину по тому адресу, который только что его так взволновал, и раскрыл учебник.

А Игорь в это время запер дверь и вернулся к Нелли.